

Опыт прочтения рассказа Н. С. Лескова «Чертогон»:
совсем жисти нет...

А. Е. Бочкарев

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

Аннотация. Проводится структурно-семантический анализ рассказа Н. С. Лескова «Чертогон» с целью установить особо значимые структурные элементы текста и тем самым показать, как совершается понимание. К таким элементам относятся, в частности, некоторые употребленные в тексте слова, нарративная перспектива, нарративная программа, а также множественная переменная фокализация, позволяющая представить субъект нарратива в фокусе разных, нередко взаимоисключающих точек зрения. В плане нарративной организации рассказанная история обрамляется двумя зеркально отраженными фразами: (1) *Совсем жисти нет* – (2) *...и опять почувствовал “жисть”* с промежуточным ключевым звеном в виде *чертогона* как условия по преобразованию *не-жисти* в *жисть* во временном интервале $t_0 - t_{0+1}$. В структурно-содержательном отношении описываемый в рассказе «обряд» состоит из нескольких эпизодов-субфреймов, в том числе разгульной ночи, омовения в банях и замаливания грехов перед Всепетой, внутренне связанных между собой отношениями каузальной импликации вида $A \rightarrow B \rightarrow C$. Причем основанием установленной при ее посредстве необходимой связи *падения* с *восстанием*, *восстания* с *падением* служит базисная установка мнения, то, во что верит

Бочкарев А. Е. Опыт прочтения рассказа Н. С. Лескова «Чертогон»: *совсем жисти нет...* // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 243–253.

субъект нарратива, ручательством за истинность – «добрая вера народная».

Ключевые слова: нарративная программа, фокализация, оценка, установка мнения, интерпретация.

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1737-2019-1-243-253

Контактная информация: Бочкарев Андрей Евгеньевич, доктор филологических наук, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ул. Большая Печерская, 25/12, Нижний Новгород, 03155, Россия, bochkarev.andrey@mail.ru; abotchkarev@hse.ru)

Понимание начинается с набрасывания смысла. Первым шагом на пути к истолкованию могут быть предварительные суждения относительно названия произведения. Так, открыв сборник произведений Н. С. Лескова на святочном рассказе «Чертогон» (1879), читатель волен задаться вопросом, почему рассказ так называется и что, собственно, означает *чертогон*: травянистое колючее растение семейства сложноцветных, обладающее, по преданию, свойством отгонять злых бесов и духов, натальный крест-оберег с образом Никиты-бесогона, ситуацию экзорцизма, славянофильский кунштюк или нечто иное. При этом основанием для всех без исключения толкований становится, очевидно, внутренняя форма композитного слова, так или иначе причастная ко всем производным значениям с двумя корневыми морфемами в своем составе: *черт* и *гон*.

Сомнения рассеиваются начальной фразой в статусе дефиниции. По определению рассказчика, выдающего себя за невольного свидетеля и участника истории, это обряд, заслуживающий внимания ввиду своей исключительности¹, на что указывают как бы невзначай употребленные выражения *только* и *не иначе как* (ср. [Богуславский, 1980]), вносящие ограничения по месту и условиям возможности наблюдения. Как заверяет рассказчик, alter ego Лескова, *это обряд, который можно видеть только в одной Москве, и притом не иначе как при особом счастье и протекции* (гл. I); *Только сподобиться этого, повторяю, можно в одной Москве, и то*

¹ В рамках обозначенной стратегии доводом в пользу изложения представленной на суд читателя истории служит, кроме того, уведомление о сугубо национальном характере описываемых событий: *...хочу это записать для настоящих знатоков и любителей серьезного и величественного в национальном вкусе* (гл. I), как и заявленное в завершение предполагаемое поучительное ее назначение по познанию вкуса и веры народной: *...а меня ввел в добрую веру народную. С этих пор я вкус народный познал* (гл. V).

при особом счастье или при большой протекции от самых степенных старцев (гл. V).

Повествование обрамляется двумя зеркально отраженными фразами в статусе нарративной программы: 1) *Совсем жисти нет* (гл. II) – 2) *...и опять почувствовал “жисть”* (гл. V), в которых бытийный компонент противопоставляется, пусть и в разных временных интервалах, небытию, отсутствию, не-существованию посредством оператора отрицания «нет», присоединенного к слову *жисть* в первом употреблении. Больше того, негация усиливается еще и интенсификатором *совсем*, имплицитно отсутствию не какого-то одного, а чуть ли не всей совокупности свойств и состояний, по которым должна характеризоваться, по мнению говорящего, *жисть* ('жизнь')².

Поскольку в отношении первого употребления слова *жисть* действует оператор отрицания «нет» с общеотрицательным значением, высказывание (1) принимает вопреки непреложному закону тождества вид контрадикторного суждения вида «*X* не есть *X*» (*жизнь* не есть *жизнь*)³. Истолковать проблемное высказывание можно только, уяснив установку мнения в функции прагматической пресуппозиции, согласно которой данное состояние Ильи Федосеевича отличается в худшую сторону от должного состояния во временных интервалах t_0 (*совсем жисти нет*) — t_{0+1} (*и опять почувствовал “жисть”*), и тем самым определить, что значит, по мнению говорящего, *жисть* (*жизнь*).

Разумеется, субъективное мнение – еще не ручательство за истинность суждения, а лишь подтверждение того, что думает о своей жизни Илья Федосеевич. За отсутствием знания о действительном положении вещей заранее знать нельзя, достоверно или нет такое утверждение в смысле объективном, зато можно утверждать безусловную его достоверность как данного субъективного сознания. Поэтому даже за отсутствием эксплицитно выраженных ментальных предикатов *думать*, *считать* или *верить* с общим значением 'иметь мнение' можно полагать, что, если дядя Илья Федосеевич говорит племяннику, что *совсем жисти нет*, он и в самом деле убежден, пока не появятся более веские причины для иного мнения, что *совсем жисти нет*. За исключением заведомо ложных сведений, это необходимые и достаточные основания суждения, как, впрочем, и своеоб-

² Об использовании просторечных выражений в целях создания иллюзии живой речи, иллюзии голоса и даже иллюзии лица см.: [Эйхенбаум, 1969].

³ Поскольку определяемому явлению отказывают в полноте необходимых свойств, за дезидентификацией может следовать неэксплицированная в рассказе псевдоидентификация вида «не *X*, а *Y*», в которой *X* уподобляется поверх категориальных границ чему-то совершенно иному. Ср. *Не жизнь, а мука. – Не жизнь, а боль, одна сплошная боль. – Не жизнь, а сплошные ухабы. – Не жизнь, а сказка. – Не жизнь, а малина. – Не жизнь, а праздник*. Подробнее см.: [Бочкарев, 2016].

разное предвосхищение и чуть ли даже не оправдание приуроченных последующих событий.

Поскольку нет разъяснений, рассказчику, как и читателю, на первых порах невдомек, чего собственно не хватает преуспевающему купцу-миллионеру для ощущения полноты жизни и какие субъективные смыслы надобно вкладывать в искомое понятие. Чтобы понять, что означают как бы ни с того ни с сего произнесенные слова *совсем жизни нет*, рассказчику не остается ничего другого, как соизмерить объект мнения с собственными представлениями, а в силу подозрительности, какой отличается, по замечанию У. Эко, дотошный интерпретатор, еще и попытаться по возможности установить интенцию говорящего: зачем дядя это говорит? что он хочет этим сказать? и т. п.⁴

За отсутствием необходимых знаний довольствоваться на первых порах приходится разве только наблюдениями, в том числе выведенными в фокус деталями портретной характеристики Ильи Федосеевича с указанием на фигуру: *...простая фигура, русская, но довольно величественная; что называется – солидный мужчина*; глаза: *...в глазах с матушкой есть сходство, но выражение иное*; надвинутый на лоб цилиндр и, что особенно симптоматично, выражение лица: *...вижу, как дядя себе цилиндр краем в самый лоб врезал, и на лице у него такая что называется плюмса* (гл. II). В стремлении понять племянник-рассказчик семиологизирует внешние признаки, не имеющие, казалось бы, никакого отношения к истории, путем превращения их в знак, так что подмеченное выражение дядино лица, обозначенное как «плюмса», становится знаком скуки: *...и на лице у него такая что называется плюмса, как бывает от скуки*, скука – интерпретантом проблемного суждения о жизни как не-жизни.

Но догадка в виде сделанного наблюдения – еще не довод в пользу определения искомого понятия. В диапазоне допустимого варьирования под понятие жизни можно подвести ввиду регулярной его многозначности решительно всё, что понимается под жизнью – и деятельность человека в различных ее проявлениях, и физиологическое существование, и обмен веществ с окружающей средой, и замкнутый круг рефлекторной деятель-

⁴ В терминах интенциональной семантики интерпретация принимает в итоге следующий вид: *A* выражает субъективное значение при помощи высказывания *x*, если намерен (*i* 1) произнесением *x* вызвать определенную реакцию (*r*) у слушающего *B* и имеет в виду (*i* 2), что *B* опознает его намерение (*i* 1), и имеет в виду (*i* 3), что это опознание его намерения (*i* 1) со стороны слушающего является основанием (или частичным основанием) для реакции *r* [Стросон, 1986, с. 137, 143, 148]. Ср.: «...при произнесении высказывания говорящий должен добиться того, чтобы слушающий осознал наличие у него сложного намерения определенного вида: намерения, направленного на то, что слушающий должен опознать (и понять, что такое опознание предполагалось) намерение говорящего вызвать у него, слушающего, определенную реакцию» [Серль, 1986, с. 144–145]

ности, и совокупность явлений, противоположных смерти, и общение, и борьбу, и игру ⁵.

Разумеется, в ассумптивном универсуме дяди ни одно из приведенных определений непригодно для уяснения того, чем является на самом деле жизнь. В повседневной событийности *жизнь* Ильи Федосеевича раскрывается по ходу повествования и в отношении к **окружающим его вещам** – дому: *Дом дяди известен, – один из первых домов в Москве, – все его знают* (гл. II); заложным в коляску коням-львам: *...у подъезда стоят конилы, сами вороные, а гривы рассыпные, шерсть, как дорогой атлас, лоснится* (гл. II); ресторанному меню: *Здесь есть вещи очень дорогие* (гл. II); разгромленному после ночного кутежа ресторану: *Ресторан представлял полнейшее разорение: ни одной драпировки, ни одного целого зеркала, даже потолочная люстра – и та лежала на полу вся в кусках* (гл. IV); и в отношении к **другим субъектам нарратива** – генерал-губернатору и митрополиту: *...у генерал-губернатора с митрополитом принят* (гл. I); приглашенным в Яр московским купцам: *А люди, которым он это рассказывает, все почтенные такие, старцы, и все снимают шляпы* (гл. II); сторонним посетителям: *Всех вон!* (гл. II); прислуге: *...из ресторана много прислуги высыпало к нам, и все перед дядею чуть не в три погубели гнутся* (гл. II); ресторанисту-французу: *Является француз – тоже с большим почтением* (II); подручному Рябыке: *...в одной зале сидел один великан, который встретил дядю молча и, ни слова ему не говоря, взял у него из рук палку и куда-то ее спрятал* (гл. III); городским извозчиком: *Их было видимо-невидимо, и все они тоже ждали нас – ждали батюшку Илью Федосеевича, “не понадобится ли зачем послать его милости”* (гл. IV); и в отношении к последовательно излагаемым в рассказе **событиям и ситуациям** – разездам по городу, наказам официантам, вальпургиевой ночи в Яре, битью в литавры, пленению цыганок, сражению и рубке пальм, почетному эскорту из наехавших отовсюду извозчиков, смазыванию колес медом, омовению в бане, парикмахерской, чаепитию, покаянию в обители перед Всепетой...

В переменном нарративном ракурсе образ главного героя, как и выносимая оценка, варьируется сообразно прагматической ситуации и распределению ролей вовлеченных в ситуацию действующих лиц, позволяя увидеть Илью Федосеевича как бы со стороны, в фокусе сразу нескольких точек зрения – глазами участников события, племянника, подручного Рябыки, московского фабриканта Ивана Степановича, официантов, цыган,

⁵ В этой связи нельзя не вспомнить замечание Р. Мартена об удивительной способности языка отбирать в словах такие значения, которые отвечают наилучшим образом сиюминутным потребностям дискурса [Martin, 1983, p. 174].

лакеев, дворников, сторожей, городских, жандармов, извозчиков, инокинь и проч.⁶

В глазах матери рассказчика ее брат Илья Федосеевич благочестив, авторитетен и полезен: *...благочестив и большой вес в Москве имеет. Он при всех встречах всегда хлеб-соль подает, всегда впереди прочих стоит с блюдом или с образом, у генерал-губернатора с митрополитом принят.* <...> *Он тебя может хорошему наставить* (гл. I); в глазах рестораниста-француза, лакеев и прислуги – особо важный клиент: *...сам француз на крыльце салфеткою пыль у него с панталон обил* (гл. II); в глазах подручного Рябыки – требующий присмотра буян: *...встретил дядю молча и, ни слова ему не говоря, взял у него из рук палку и куда-то ее спрятал* (гл. III); в глазах сторожей, дворников, жандармов и городских – исправный плательщик: *...платили дворникам, сторожам, городovým, жандармам, которые все оказывали нам какие-то службы. Все это было удовлетворено* (гл. IV); в глазах собравшихся у Яра городских извозчиков – щедрый барин: *...за нами с гиком и дребезжанием неслась во всю скачь вся эта извозчицья рвань.* <...> *им хотелось еще сорвать отступного, и вот они, под видом оказания особой чести Илье Федосеевичу, предавали его почетное высокостепенство всесветному позору* (гл. V); в глазах сестры-инокини – кающийся грешник и благодетель: *...от кого же Всепетой, как не от вас, и покаяние принять, – всегда ее обители благодели* (гл. V); в глазах племянника – непредсказуемый: *...и начинает мне сдаваться, что я как будто попал в какую-то статью* (гл. II), разгульный: *...сел на председательское место, и пошла писать столица* (гл. III), чрезвычайно страшный: *Он мне был чрезвычайно страшен* (гл. IV), страшный дикий зверь с невероятной фантазией и ужасным размахом: *...боялся этого страшного, дикого зверя, с его невероятной фантазией и ужасным размахом* (гл. IV).

Даже за отсутствием эксплицитно выраженных оценочных суждений оценка совершается по умолчанию по правилам силлогизма, позволяя представить Илью Федосеевичу с известной долей достоверности по некоторым особо примечательным, пусть и не всегда эксплицитированным в рассказе свойствам.

Например:

I. Один из первых домов в Москве может себе позволить только очень состоятельный человек.

У дяди один из первых домов в Москве.

Значит, дядя – очень состоятельный человек.

⁶ Так инстанцией нарративного дискурса становится вовлеченный в повествование субъект; причем не только тот, кто совершает действие, активно или пассивно в нем участвует, но и тот, кто о нем высказывается.

II. Генерал-губернатор (митрополит) принимает влиятельных и уважаемых людей.

Дядя у генерал-губернатора с митрополитом принят.

Значит, дядя – влиятельный и уважаемый всеми человек.

III. В разгул впадают разгульные люди.

Илья Федосеевич впадает в разгул.

Значит, Илья Федосеевич – разгульный человек.

Подобные умозаключения не имеют, конечно же, специальной силы, но этого, в сущности, и не требуется, чтобы понять, что в ракурсе переменной фокализации основанием оценки может быть только какая-то избираемая по случаю базисная установка мнения, сфокусированная в зависимости от приоритетов на соответствующем аспекте квалификации: авторитете, материальном достатке, положении в обществе, благочестии, разгуле, щедрости, скаредности, благотворительности или чем-то другом.

Расширяя нарративную перспективу, множественная переменная фокализация позволяет действительно представить излагаемые в рассказе события «сторонне» и/или «изнутри», в модусе объективного и/или субъективного видения, монологически односторонне и/или диалогически разносторонне (ср. [Женетт, 1998]). Но при таком разнообразии заведомо несовместимых, пусть и диалогически разносторонних, точек зрения остается ли субъект нарратива тождественным самому себе на протяжении повествования? Очевидно, нет. Во всяком случае в ракурсе разных точек зрения.

Не вдаваясь в обсуждение, насколько пагубно для субстанционального тождества разнообразие оценочных дескрипций, заметим пока, что по известному логическому закону одному и тому же объекту нельзя приписывать в одно и то же время и в одном и том же отношении взаимоисключающие свойства: например, 'расточительный' и 'скаредный', 'спокойный' и 'безудержный', 'грешник' и 'благочестивый'.

Разрешить противоречие можно, очевидно, только путем разведения внешне несовместимых дескрипций по (i) разным временным интервалам: в одно время солидный мужчина (гл. II), в другое время – дикий зверь (гл. IV); (ii) разным локусам: в ресторане Яр разгульный и безудержный: *...сверкали страшные топоры и рубил мой дядя. <...> Просто средневековая картина* (гл. IV), в обители – смиренный: *Хочу пасть перед Всепетой и о грехах поплакать* (гл. IV); (iii) разным аспектам: в одном отношении щедрый и расточительный: *...цыганки схвачены, обняты, расцелованы, каждый – каждой сунул по сторублевой за корсаж* (гл. IV), в другом – скаредный и прижимистый: *...высматривал соседа, чтобы идти втроем чай пить, – троим собирают на целый пятак дешевле* (гл. V); (iv) разным установкам мнения: для матери рассказчика – хороший наставник: *Он тебя может хорошему наставить* (гл. I), для племянника – сомнительный учитель: *...начинает мне сдаваться, что я как будто попал*

в какую-то статью (гл. II), Тут я уже совершенно убедился, что попал не на свои рельсы (гл. II).

Раскрыть жизненную позицию московского купца Ильи Федосеевича позволяет как нельзя лучше описываемый в рассказе обряд, *иже беса чужеумия испраздняет*. В ментальном пространстве Ильи Федосеевича это, по сути, неотъемлемый атрибут жизни, необходимое условие ощущения жизни во всей ее полноте, а в нарративной перспективе – ключевое звено нарративной программы, призванной раскрыть, как в переходах от (1) *Со всем жисти нет* к (2) *...и опять почувствовал жисть* ‘не-жисть’ преобразуется в ‘жисть’.

В структурно-содержательном отношении «обряд» состоит из нескольких внутренне связанных между собой эпизодов-субфреймов, описывающих в терминах действий и состояний (i) разгульную ночь в ресторане Яр, (ii) омовение в банях и (iii) замаливание грехов во всю ночь перед Всепетой, символически обозначенных в изложении рассказчика как «падение» и «восстание».

В связи с падением символически переосмысливаются, кроме того, и некоторые употребленные в рассказе именные и глагольные выражения со значением нисходящей телесно-пространственной ориентации, в том числе *пропасть разгула* (гл. III), *растянулся на пол <...> как-то апокалиптически* (гл. V); в связи с восстанием – выражения со значением восходящей ориентации, в том числе *сразу вспрыгнул* (гл. V), *Не поднимусь, пока не простишь меня!* (гл. V), *прямо с самого сверху, из-под кумпола, разверстой десницей сжало мне все власы вкупе и прямо на ноги поставило* (гл. V); в связи с переходным состоянием – различные обозначения преодоления и борения, в том числе *борение* (гл. V), *красное тело его трепетало* (гл. V), *весь трепетал, как желе, на тряском столе* (гл. V), *замечаю какое-то движение* (гл. V), *в ногах у него словно два кота дерутся – то один, то другой друг друга борют, и так частенько, так и прыгают* (гл. V), *духом к небу горит, а ножками-то еще к аду перебирает* (гл. V).

Помимо причинно-временных отношений указанные эпизоды связывают еще и отношения каузальной импликации в соответствии с нормативной аксиомой «без греха нет покаяния, без покаяния нет спасения» из области христианской деонтологии [Июффе, 2014], как если бы без падения не было бы восстания, без греха – покаяния, без покаяния – спасения.

Вслед за литературными критиками, так или иначе обращавшимися к данному рассказу Н. С. Лескова, за разъяснениями теологического вопроса можно, безусловно, обратиться к авторитетным источникам – Священному Писанию, сочинениям отцов церкви и прочим догматическим произведениям, а в соответствующих местах священных книг найти разъяснения столь странной каузальной импликации. Но если, следуя за рассказчиком, руководствоваться принципом имманентности, единственным

ручательством за истинность означенной импликации может быть только засвидетельствованная в рассказе *добрая вера народная*, адептами которой являются по определению дядя Илья Федосеевич и прочие степенные старцы, а также примкнувший к ним по воле случая (*благодаря одному счастливому стечению обстоятельств*) племянник-рассказчик⁷.

Во всяком случае, судя по описываемым в рассказе событиям, в универсуме веры Ильи Федосеевича и прочих степенных старцев такая связь признается действительно необходимой. Вот почему здесь важно не проверить, насколько объективно необходима установленная в рассказе связь восхождения с падением, разгула с покаянием, покаяния с благодатью, а установить безотносительно к действительному положению вещей, при каких условиях она совместима с базисной установкой мнения, с тем, во что верит или в чем убежден говорящий. Так условия истинности релятивизируются необходимым образом относительно альтернативных реальному миру возможных миров – ассумптивных универсумов (Ф. Растье), универсумов веры (Р. Мартен), ментальных пространств (Г. Фоконье).

Список литературы

Богуславский И. М. Семантика частицы только // Семиотика и информатика. 1980. Вып. 14. С. 134–158.

Бочкарев А. Е. О парадоксах идентификации в оборотах вида «не X, а Y» // Русская грамматика 4.0: Сб. тез. Междунар. науч. симпозиума / Под ред. В. Г. Костомарова. М.: Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2016. С. 262–266.

Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 283–299; Т. 2. С. 60–280.

Иоффе Д. Нарратология греха: к вопросу о структуре рассказа Лескова «Чертогон» // Критика и семиотика. 2014. № 1. С. 188–205.

Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 144–145

Стросон С. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.

Эйхенбаум Б. «Чрезмерный» писатель // Эйхенбаум Б. О прозе. Л.: Худож. лит., 1969. С. 327–345.

Martin R. Pour une logique du sens. Paris: P.U.F., 1983.

⁷ Ср. ...меня ввел в добрую веру народную. С этих пор я вкус народный познал в падении и в восстании (гл. V).

Article metadata

Title: How to Read a Leskov's Story "Chertogon" ("The Devil-Chase"): *There Is Absolutely no Life...*

Author: A. E. Bochkarev

Author's e-mail: bochkarev.andrey@mail.ru ; abotchkarev@hse.ru

Author's affiliation: National Research University "Higher School of Economics"

Abstract. The article presents a structural-semantic analysis of a N. Leskov's story "The Devil-Chase" ("Chertogon") in order to establish some particularly meaningful elements of the text and show how they direct and determine the understanding. In particular, there are some utterances, a narrative perspective, a narrative program, as well as some multiple variable focalizations, which show a narrative subject in focus of different points of view. As for a narrative organization, the told story is enclosed between two reflected sentences: (1) "there is absolutely no life" and (2) "...he feels life again" with a key link episode, such a devil-chase ('chertogon'), as a condition for transformation of 'non-life' in 'life' in the time interval $t_0 - t_{0+1}$. In a narrative perspective, the so called rite, described in the story, includes some several episodes (sub-frames), such a riotous night in a restaurant, ablution in baths and praying before the icon of Virgin of All-Waving ("Vsepetaya"), connected by a causal implication $A \rightarrow B \rightarrow C$. So 'fall' is necessary implicated by 'ascension', as being concerned in a mutter and condition, behind only a basic opinion, what the narrative subject believes, as a ground and a "good popular faith" as guarantee for truth.

Key terms: narrative program, focalization, evaluation, opinion, interpretation.

Reference literature (in transliteration):

Bochkarev A. E. O paradokсах identifikatsii v oborotakh vida nie X , a Y [The paradoxes of identification in speech patterns like *it is not X but Y*]. In: Russkaya grammatika 4.0. Abstracts of the International Scientific Symposium. Moscow, 2016, p. 262–266. (in Russ.)

Boguslavsky I. M. Semantika chastitsy *tol'ko* [Semantics of the particle *only*]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics], 1980, no. 14, p. 134–158. (in Russ.)

Eikhenbaum B. 'Chrezmerny' pisatel' [An 'excessive' writer]. In: Eikhenbaum B. O proze [Prose]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1969, p. 327–345. (in Russ.)

Genette G. Frontières du récit. In: Genette G. Figures II. Paris, Seuil, 1969 (Russ. ed.: Genette G. Figury. In 2 vols. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, 1998, vol. 1, p. 283–299).

Genette G. Discours du récit. In: Genette G. Figures III. Paris, Seuil, 1972 (Russ. ed.: Genette G. Figury. In 2 vols. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, 1998, vol. 2, p. 60–280).

Ioffe D. Narratologija grekha: k voprosu o structure rasskaza Leskova “Chertogon” [Narratology of Sin: to the Question of the Structure of the Leskov’s Story “Chertogon”]. *Kritika i semiotika*, 2014, 1, p. 188–205. (in Russ.)

Martin R. *Pour une logique du sens*. Paris, Presses universitaires de France, 1983.

Searle John R. Chto takojе rechevoj act? [What is a Speech Act?]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Issue XVII. Teoriya rechevykh aktov* [Speech Act Theory]. Moscow, Progress Publ., 1986, p. 151–169. (in Russ.)

Strawson P. F. Namerenie i konventsja v rechevykh aktakh [Intention and Convention in Speech Acts]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Issue XVII. Teoriya rechevykh aktov* [Speech Act Theory]. Moscow, Progress Publ., 1986, p. 130–150. (in Russ.)

DOI 10.25205/2307-1737-2019-1-243-253